
Мария БУШУЕВА

РАССКАЗЫ

ТИХАЯ ДУША

Из всех теток его — самая любимая. И вот — три дня в больнице, и всё. Увесистого вида врач, заведующий отделением Даниил Игоревич Семин, пряча глаза в планшет, назвал диагноз. Он врачу не поверил. Вышел в коридор. Незнакомый лобастый мужик шагнул ему навстречу: тоже мать? Нет, сестра ее, матери давно нет. А у меня маманя, я сегодня врачу бабло принес, опоздал. Лобастый походил на братка конца девяностых, но, судя по дорогой одежде, вполне мог теперь оказаться генеральным директором или депутатом. А отчего? Он произнес страшное слово: диагноз оказался тот же. Вышли вместе. Мужик спросил: на колесах? Могу подкинуть — и показал на джип. Не надо. Пройду пешком, так мне будет полегче, ходьба лечит. Приостановился, добавил грустно: «Не верю я в его диагноз, мне говорили, негласное распоряжение спускают врачам — не сильно усердствовать при лечении пожилых и стариков. Балласт для экономики...» И он, не оглядываясь на мужика, вышел из больничной ограды и побрел по мокрой мостовой.

И вспомнилось: ему шесть лет, они идут с бабушкой по темной дождливой улице к ее племянницам Татьяне и Раисе — двоюродным сестрам его матери. Пытаясь после развода с его отцом устроить личную жизнь, мать появлялась дома редко и всегда с чужим мужчиной, пугающим его холодной ладонью и по-змеиному блестящими волосами, прилипшими к узкой маленькой голове. И он, впечатлительный ребенок, как-то знал без слов, что обладатель ледяных пальцев обязательно обидит его мягкую мать и она исчезнет. Так и случилось: мать вернулась домой, но вскоре погибла в аварии. Бабушка много лет скрывала от внука правду, но однажды он услышал, как говорила она кому-то по телефону: наивная моя доченька связалась с наркоманом — и вот... Все мечтал о славе, журналчики собирал с портретами кинозвезд и застыл на стуле, как памятник, нашли его сидящим, наклонившимся, чтобы завязать шнурки ботинок, на мой взгляд, ничтожный был человек и умер от передозировки наркотика, а все-таки помяну его, раз дочь моя разглядела в нем что-то хорошее.

До темной улицы, мигавшей тревожными огоньками, они ехали на трамвае, а к деревянному дому сестер нужно было идти пешком мимо долгой стены мыловаренного завода.

Мария Бушуева — прозаик, критик, автор нескольких книг прозы, в том числе романов «Отчий сад», «Лев, глотающий солнце», «Рудник», «Демон и Димон» («Проекции»), «Королев. Главный конструктор», а также множества публикаций в периодике и в сетевых журналах («Москва», «Нева», «Знамя», «Зинзивер», «Дружба народов», «Наш современник», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Сибирские огни», «Гостиная» (США), «Алеф» (Израиль), «Литературная Америка», «Новый континент» (США)). Стихи переводились на французский язык. Автор монографии «„Женитьба“ Гоголя и абсурд». Лауреат журнальных премий.

— Живут же, Господи, на краю света, — иногда ворчала бабушка, сжимая его ладошку.

Чем дальше они шли, тем сильнее сгущалась щиплющая глаза едкая тьма, сначала казавшаяся синеватой, потом почти черной, и когда тяжелый запах и смог рассеивались, они оказывались на грязной, неасфальтированной дороге, возле тянущихся вдоль нее серых домишек. Он был уверен тогда, что это действительно край света. И сейчас, медленно бредущий по сверкающему проспекту, вспомнил ощущение детства — ощущение непроглядной бескрайней пустоты, скрывающейся за деревянной халупой двух молодых, рано осиротевших его теток. Младшую, беланку Раису, он любил, возможно, изживая в играх с ней тоску по исчезающей матери. Тоска была бы непереносимой для его детской души, если бы не уравновешивала ее боль обиды: мать променяла его, своего сынишку, на ледяные пальцы чужого человека и, что еще было больнее, на нового ребенка. О новом нашептала в отсутствие бабушки ее близкая приятельница, бывшая режиссерша кинохроники, мужеподобная старуха Эра Петровна: «Твоя мама тебя бросила, у нее родится другой мальчик, Виталик, — внушала бывшая режиссерша, приблизив к нему прищуренные глаза, — она умрет, бабушка твоя тоже умрет, их обеих закопают». Эра Петровна хрипло хохотнула и постучала по ножке стола: тук-тук-тук. И его сердечко вздрогнуло и откликнулось, ударив в грудь: бом-бом-бом. Пугающие слова он от бабушки утаил и по-прежнему оставался с Эрой Петровной, когда бабушка уезжала в редакцию газеты: она внештатно подрабатывала, занимаясь правкой статей. Может быть, утаил оттого, что сам интуитивно предчувствовал свое одиночество и, помня, что в сказках повторенное обязательно исполняется, по-детски боялся магии слов — неотвратимости дважды произнесенного. Если замолчать пророчество, бабушка и мама будут жить, и мама не обменяет его на нового. Имя Витя стало для него неудачным на всю жизнь: виталики предавали его, подставляли, обманывали и, наконец, один из них увел его жену.

Приносившая с собой запах табака, колючий юмор и надтреснутый смех Эра Петровна, сама того не ведая, помогла ему перенести потерю матери, бросив спасательный круг зловещих фраз. Как-то бабушка в одном из вечерних разговоров с ним приоткрыла занавес над жизнью сиплогой старухи, и он увидел, что скрывалось за тяжелым полотном, а значит, и за черным пророчеством, так напугавшим его.

— Эра из бедной многодетной семьи, она всего добилась сама, я уважала ее за едкий ум и отзывчивость на чужие беды, но иногда общаться с ней бывало тяжело, потому что психика ее искажена с юности после десяти лет в лагере по пятьдесят восьмой статье.

Он, студент-историк, уже знал о пятьдесят восьмой.

— Как-то честно призналась: я твоего маленького внука ненавидела из зависти, что у него такая хорошая мать — красивая, добрая, языкам его учит, Пушкина ему читает, а моя сноха — обычная хамка, и внучка Линка от нее страдает. Эра души не чает в своей Линке... Но мне кажется, больше она завидовала твоей сообразительности, Линка с родовой травмой родилась, может, оттого и не унаследовала ум своей бабушки.

Линку Эра Петровна к ним приводила, и ему нравилось играть с хорошенькой покорной девочкой. Однажды, бегая с Линкой по квартире, расшалившись, они разбили большое зеркало, и, словно доказывая роковую верность старинной приметы, на следующий день, столкнувшись с грузовиком, разбилось легковое такси, в котором ехала его мама.

Уже после смерти бабушки он случайно получил подтверждение ее словам об искаженной психике, узнав об Эре Петровне кое-что еще: в одном из северных журналов были опубликованы воспоминания какого-то политзэка — шли девяностые годы,

и страна освобождалась от запретов на исповеди жертв истории. Автор, подробно описывая лагерный быт, не скрыл фамилию, имя-отчество той, что выжила в лагере и получила место библиотекаря благодаря доносителю. Давнее «тук-тук-тук» оказалось самораскрытием. Выходит, понял он, Эру Петровну сломали, и она всю жизнь прятала в душе постыдную муку своего прошлого, смертельно боясь, что тень его упадет на любимую внучку. Он закрыл журнал, чувствуя, как рождается в его душе прощение за свой детский страх.

От еще одной бабушкиной подруги, экстравагантной старушки Изы Борисовны, бывшей актрисы-травести, в свои «за восемьдесят» ходившей летом в туфельках на шпильках и в платье с глубоким вырезом, открывающем пятнистые параболы спины, он услышал, что Линка вышла удачно замуж за какого-то парня из рабочей семьи. Парень очень быстро сделал успешную карьеру, причем не без активной помощи Эры Петровны, передвигавшейся теперь с костылем лишь в пределах квартиры, но сохранившей нужные телефонные связи и умело управлявшей Линкиной судьбой. Отражаются ли нравственные падения тех, кто был изломан временем, на жизни их потомков? — подумал тогда, мысленно снова открыв и закрыв журнал. Но разве милая Линка заслужила родовую травму или кару судьбы? Конечно, нет.

После прочитанных мемуаров бывшего ээка он резко охладел к истории, колючие следы которой слишком больно ранили его детство. Возникнув на страницах журнала, Эра Петровна, совершенно не ведая того, помогла ему вторично — он вышел на дорогу своего призвания. Забросив ставший ненужным институтский диплом в коробку со старыми документами и черно-белыми снимками незнакомой родни, стал заниматься живописью и, уже обретя имя профессионального художника, вспоминал иногда старую режиссершу, обводя мужеподобную фигуру в коричневых брюках и грубом свитере невидимым мистическим абрисом.

Изу Борисовну, приносившую в качестве гостинца подернутые белой дымкой окаменевшие шоколадные конфеты, бабушка, какое-то время работавшая в драмтеатре заведующей литчастью, обожала за театральные анекдоты и за рассказы Изы о до-революционной творческой среде, которую неплохо знал Изин отец-фотограф. Изин дед как-то сумел еще до 1917 года выбраться из такого же окраинного местечка, откуда вела родословную Эра, однако в отличие от ее родни преуспел, и его сын открыл свою мастерскую, через нее прошли почти все горожане, имевшие отношение к искусству. А начав стареть, Изин отец бесплатно, по доброте душевной, обучил фотоделу двух мальчишек, послевоенных сирот: оба стали фотокорреспондентами. Младший из них, сутулый, с клокастыми бровями, окончив филологический факультет местного вуза, дорос до главного редактора той газеты, где подрабатывала бабушка. Он приходил к ним и после вечернего чая наизусть читал Гумилева, обязательно начиная с «Жирафа», бродившего далеко-далеко на озере Чад, а завершал декламацию стихотворением, в страшно-тихом пространстве которого спокойный рабочий в блузе светлосерой отливал для поэта смертельную пулю. Завершив чтение и пристально глядя куда-то вниз, в пол, точно там, на досках, был начертан трагический вывод, не видимый ни бабушке, ни ее внуку, главред неизменно добавлял: «Напророчествовал Гумилев себе гибель», — подтверждая для ребенка власть тайной магии произносимых слов. Мистическая роль Изы Борисовны и ученика ее покойного отца впоследствии свелась в памяти к повторяющемуся сигналу об опасности серого цвета и к яркому детскому восторгу от изысканности жирафа: его собственный жираф бродил под клокастыми облаками-бровями, и, точно отражаясь сам в себе, множился, заполняя в разных вариациях волшебного узора на его шкуре все альбомы для рисования, все чаще

покупаемые для внука бабушкой. Две старые оригиналки и угрюмый чтец оказались проводниками в его судьбу.

Иногда Иза Борисовна, кроме каменных конфет, доставала из кожаной антикварной сумки старинный альбом с фотографиями дореволюционной русской интеллигенции: учителей, врачей, чиновников, — и погрузневшая бабушка рассматривала лица тех, кто давно превратился в безымянные кости под асфальтом их городского парка, где танцевала вечерами обкуренная молодежь. Бабушка в этот парк не ходила принципиально: грех на бывшем кладбище гулять, объясняла она, но никогда не добавляла, что ее отец, тоже «из беловоротничковых», покоем там же — под чертовым колесом или гремящей танцплощадкой.

— И коляски с малышами здесь катают, — укоризненно говорила бабушка, — топчут своих предков.

Новый не сумел родиться. Но успел отправить свое отражение, и оно, ступаясь порой до призрака, сопровождало взросление сводного живого брата, лишая его безмятежной защищенности — необходимого растущему витамину силы: за каждым словом дружбы мерещилась отверженность, за каждым углом любви таился соперник-победитель. Безусловную радость приносила только живопись. И он как-то незаметно для себя смирился с маркером несчастья. Таким же невидимым клеймом была помечена и его любимая тетя Раиса.

Фамилию врача не запомнил: то ли Сомов, то ли Зимин, и когда на следующий день прочитал в сетевых новостях о смерти сорокалетнего медика, заведующего отделением, которого нашли возле магазина, но, к сожалению, спасти не смогли, по предварительной версии, причина — инфаркт, мелькнула мысль: не тот ли? В комментариях кто-то возмутился, что вдове не отдали найденные возле покойного продукты... Впрочем, остановил себя, зачем я это читаю? Тот, прячущий глаза в планшет, — обычный равнодушный клерк от медицины, держащийся за место и за деньги, а моя мысль, что умерший он самый, всего лишь результат моего собственного воображения — наивной веры в силу общечеловеческой совести, которая однажды, постепенно всплывая из глубины ноосферы, взойдет над миром, чтобы покарать всех и каждого за утрату человечности.

За окном мутно серело небо. Дождь шел второй день, то затихая, то набирая силу вновь. Сетевые новости пугали взрывами, смертями, отравляли ложью, приправленной светской пошлостью и модными технологиями. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, он позвонил дочери.

— Па-а-ап, — тягуче запела Лизка, — я как раз хотела тебя попросить, ну-у-у, я посмотрела смарт-браслетик с бриллиантами, скину тебе в почту номер заказа, оплати-и-и, и я pošлю тебе свою лав.

...Домик сестер был тухлявый, низенький, состоявший из кухоньки и двух комнат. Пахло в нем горящими дровами: не только зимой, но и в сырые дни любого сезона приходилось топить печь. Его удивляла и печь, завораживая древним танцем огня, и взбитые подушки на железных кроватях с блестящими елочными шишечками на спинках, и отделанные кружевом покрывала, поражающие ровной, как лист альбома для рисования, снежно-белой нетронутостью. У них дома ничего похожего не было: вещи и одежда жили своей вольной жизнью, а на мятном покрывале его деревянной кровати вечно валялись книжки, машинки и шахматные фигурки.

Раиса, финского типа миловидная льняная белянка, всегда радовалась их приходу, а брюнетка Татьяна никогда при них своих чувств не проявляла. На Раисе держалось все сестринское маленькое хозяйство: три огородные грядки, растопка печи, запас воды, которую она сама носила в ведрах из уличного колодца, и всегда идеальная бе-

лизна покрывал. К тому же Рая уже работала и, очень способная к точным наукам, в первый же год получила инженерную должность в НПО, разрабатывающем детали для космических кораблей: страна была одержима космосом. Сестры надеялись, что НПО поможет им с квартирой, они мечтали о горячей воде, теплом клозете и электрической печи. Вся личная жизнь Раисы была отдана сестре, в оленеглазом лице которой опытный физиономист уловил бы тонкие следы черт далекого азиатского предка. Татьяна была задумана природой как настоящая красавица, но злой колдун — костный туберкулез — превратил ее спину в остроконечный пень: Татьяна была горбуньей. Сердобольная бабушка, желая вернуть племяннице нормальное тело, обращалась к знакомому кудеснику — хирургу, срезающему у несчастных их горбы, ответ его стал окончательным приговором: из-за сильного смещения сердца операцию делать нельзя. И учиться в техническом вузе, где приходилось много чертить и проходить практику на заводе, Татьяна из-за проблем с сердцем не смогла и ушла с третьего курса. Ни на какой работе она не удерживалась. Посторонним могло показаться, что она давно привыкла к своей инаковости — ее лицо, горделиво спокойное, удивляло тех, кто привык к суетливости горбунов, пытающихся скрыть свои уродливые выступы, плетя вокруг них сеть лихорадочных движений и слов. Нет, Татьяна рыдала и плакала только наедине с Раисой, на людях же была нетороплива и вела себя так, будто с ее телом все хорошо. Пока Раиса, постоянно чувствующая смутную вину за свою прямую спину, идя с работы, занималась хозяйством, Татьяна красиво сервировала стол к ужину — это было единственной ее обязанностью, а днем, в одиночестве, она листала журналы или мечтала, читая классику. И тайно соотносила себя с пушкинской героиней, на беду родившейся не в девятнадцатом веке и не в романе, а в советское время, в предвоенный год. Раиса была на четыре года моложе. Их отец подарил жизнь младшей дочери и ушел на фронт, чтобы не вернуться: контуженным попал в плен и свою гибель встретил в концентрационном лагере, где организовал коммунистическое подполье, вскоре раскрытое.

— Знала я, что брат мой Юра погибнет, — рассказывала бабушка внуку, не сильно вникая в особенности детского восприятия, — мне было двадцать, я всем увлекалась, что попадало на глаза — даже прочитала старинную книжку по хиромантии. И вот руку его посмотрела, с картинкой сверила: линия жизни у него была перечеркнута, что предвещало насильственную смерть. И все из-за его жены Нины, изменил ей однажды, с кем из мужчин не бывает, она от кого-то из доброхотов узнала и не простила — вот он, совестливый, и попросился сам на фронт, надеясь так искупить свою вину. У него же бронь была, ценных специалистов берегли... Раиса на него очень похожа. Только имя ей не подходит, у нас таких имен в роду нет, это Нина ее назвала в честь кого-то из своих. Конечно, страдала Нина как мать из-за горба Татьяны, оттого и умерла рано. А брата моего так и не простила... Знаешь, какой он был? Сидит, работает в выходной у себя дома, стал в тридцать лет начальником, своего шофера имел, а увидит, что немолодая соседка несет ведро, тут же выбежит и ей до квартиры ведро донесет. После Победы о Юре никаких вестей не было, и не жена его Нина, а я написала в пятьдесят втором в канцелярию Сталина, оттуда прислали ответ, что погиб он в плену, проявив героизм и мужество, верный воинской присяге, я дословно документ помню. Значит, мучительную смерть принял.

Этот скорбный бабушкин монолог, полный непонятным и далеким, слушал он по дороге от племянниц вполуха, больше его занимали подаренные Раисой рыже-коричневые яички — их соседи по улице держали кур, — до этого он видел яйца только белые магазинные и постеснялся спросить: может быть, Раиса и Татьяна сами покрасили их акварельной краской?

Маленького племянника Татьяна не любила, запретив себе навсегда думать о детях. Отвращивалась, когда Рая, изображая лошадку, катала его, еще трехлетнего, на своих плечах, ставшими широкими от постоянной тяжелой работы по дому. В веселых забавах Татьяна участвовать не могла, и к привычной таймой горечи от своей физической неполноценности примешивалась жгучая ревность: Татьяна ревновала Раису ко всем, кто оказывался рядом.

— Бедная Рая, — сетовала бабушка, — даже на вечеринку в коллективе никогда не остается, как-то задержалась на работе всего на полчаса, пришла домой, а сестра уже рыдает. Конечно, Таню жаль: умница ведь, училась прекрасно, поразительно сдержанная, со вкусом умеет одеться, несмотря на свою беду, и лицом красивая, да все напрасно. Кара судьбы. Мне о своей родословной Нина как-то рассказала, дальний ее предок был бурятский тайши, внук его в сибирское купечество записался, так вот, может, в каком-нибудь их предке-богаче и причина: могли по его приказу запереть невинного работника до смерти, через век пришла расплата в виде горба. Я верю в закон неизбежности возмездия, на Востоке его называют законом кармы, и считаю, что справедлив он не только для одного человека, но и для истории всего рода... И Раю мне жаль: она Таней восхищается, считает ее много умнее себя, о танцах или кинотеатре с молодым человеком и разговора у Раи быть не может, она и в мыслях такого не держит. А ведь симпатичная и далеко не глупая, нравится многим, студент один замуж ее звал, потом молодой офицер все ходил под окнами, ждал ее, записки писал, да вскоре понял: не оставит Рая сестру. Такая вот тихая верная душа.

Квартиру сестрам дали не от НПО, расселила их городская власть, решившая снести деревянное захолустье и построить на месте улицы панельный микрорайон. В типовой панельной девятиэтажке дали Татьяне и Раисе двухкомнатную квартиру. Он помнил первое впечатление от двух смежных комнат, в большей сестры поставили диван, стол, сервант, шкафчик с книгами и телевизор, а в меньшей — свои железные кровати, показавшиеся ему чужими предметами, смущенными гостями из другого мира, где остались печь с волшебным огнем и небольшой дворик с черным узором неровного забора. Татьянин горб в панельной квартире точно вырос, и он, исследуя вместе с Раисой новый дом, постоянно на него натывался. Казалось, и Татьяна ощущает себя здесь, в квартире с удобствами, о которых столько лет сестры мечтали, гораздо менее уютно, чем в том домишке. Возможно, им обеим недоставало небольшого дворика и улицы. Там Раиса, то половшая грядки, то ходившая за водой или к соседке за соленьями и куриными яичками, мелькала у Татьяны перед глазами не так часто, как здесь. И горб, вписанный в пейзаж с несколькими уличными деревьями и кустами, со временем стал как бы частью природы и почти не замечался. Обе сестры чувствовали: в старой хибарке жило печное тепло, рассеявшееся по дороге в новую жизнь. И после полугода слез Татьяна собрала чемоданчик и впервые в жизни одна, без сестры, уехала в санаторий. Вскоре Раиса сообщила потрясшую всех новость: Татьяна выходит замуж за встреченного в санатории инженера из далекого Ангарска. Инженер — сорокалетний вдовец Анатолий, намучившийся с женой-алкоголичкой. Он старше Татьяны на восемь лет, сам не пил никогда и не пьет, детей нет. Татьяна поразила его красотой лица и культурой, он теперь без нее своей жизни не представляет... Странный брак оказался счастливым. Взаимная любовь светилась в голубых глазах Анатолия и в оленьих Татьяны: пара приехала как-то на пару дней в родной город жены.

— Похоже, Анатолий любит нашу Таню так сильно, — резюмировала встречу с ними бабушка, — оттого, что к его чувству примешивается боль от ее физического уродства. Он, наверное, и первую жену любил через сострадание.

По-прежнему восхищавшаяся сестрой Раиса иногда приходила и читала их с Анатолием письма: его перевели в закрытый город под Красноярском, с продуктами там было много лучше, чем в других местах, у семьи сложился небольшой круг друзей, в общем, как не раз повторяла бабушка, старшая племянница вытаскала счастливый билет. Как-то приехала Татьяна без Анатолия — его не отпустили с работы, — попросила бабушку помочь с больницей: ей нужно было прервать беременность. В своем небольшом городе она к медикам обращаться не стала, опасаясь пересудов. Объяснила она свое решение нежеланием пускать ребенка в жизнь, где над ним стали бы издеваться жестокие ровесники, насмехаясь, что у него мать не такая, как все. Бабушка через жену хирурга-кудесника нашла врача, все прошло без осложнений. Больше Татьяна не приезжала. Прожили они с мужем в мире и согласии три десятилетия: через срок дней после смерти Анатолия ушла и Татьяна. О ее смерти узнал он от Раисы, полностью ослепшей из-за глаукомы на один глаз.

Он по-прежнему, как в детстве, любил свою тетку, живущую теперь на нищенскую пенсию. А передать нить своей любви дочери, растущей под алчную мелодию времени, не смог: Лизка ценила только яркое и дорогое, честный труд, которому отдала двоюродная бабка Раиса свою жизнь, считала уделом лохов-совков, и как-то он услышал, как врала она вдохновенно кому-то по мобильному, что учится в МГИМО, хотя он, уже разошедшийся с ее матерью, модной блогершей, знал, что бывшая жена и ее новый супруг Виталий с трудом впихнули Лизку в частный маленький вуз с торговым уклоном. В общем, с дочерью у него получился прокол. Этический брак. И надежды на переплавку ее души как-то день ото дня слабела.

Он вышел из дома и снова брел по проспекту, вспоминая простую жизнь Раисы, и не замечал усилившегося дождя.

Через год после замужества Татьяны Раиса решила впервые отдохнуть на черноморском побережье. Зарплату она получала приличную, к тому же путевка от НПО в дом отдыха была с большой скидкой, что радовало бережливую Раису: научилась тщательно рассчитывать бюджет еще в годы полуголодной своей юности. Яркие краски юга и словесные букеты витиеватых комплиментов от седого хромого ловеласа, ни на что большее, кроме пляжной болтовни, не претендовавшего, вселили в нее робкую надежду на возможную встречу с тем, кто скрасит ее одиночество. Она уже считалась в их научном крыле НПО старой девой и не верила, что может кому-то понравиться: свое лицо в зеркале виделось блеклым и точно рассыпающимся, иногда ей казалось, еще месяц-другой одинокой жизни, и в зеркале отразится только песчаная пыль. Женатые мужчины в их коллективе, на праздниках подвыпив, спорили в курилке, удастся ли кому-то из них сделать эту скромную белянку женщиной, но все ограничивалось только мужскими шутками. На книжной полке дома стоял у Раисы фотопортрет отца. Татьяна, воспринявшая мнение матери о муже как об изменнике, еще в подростковом возрасте вычеркнула факт его наличия из своей биографии, и при ней Раиса держала дорогой ей снимок, с которым ощущала теплую связь, в старом альбоме. Никогда не виденный отец стал единственным мужчиной ее души, и то, что погиб он, проявив героизм и мужество, как сказано было в гербовой бумаге, когда-то присланной из главной канцелярии страны, сделало его образ недостижимым для сравнения даже с офицерами, нравящимися Раисе больше мужчин других профессий. Иногда, вспоминая того влюбленного лейтенанта, что чертил зигзаги надежды под окнами их деревянного дома, она думала с сожалением, что он походил на отца: такой же светловолосый, сероглазый... Раиса и сама в подростковом возрасте мечтала о военной профессии, волнуясь, читала о знаменитых женщинах-летчицах и жалела, что не ро-

дилась мальчишкой. Втайне от Татьяны, которую ранили даже соседские разговоры о детях, она все годы мечтала о сыне. Мечта становилась тоньше, нереальнее: тень стародевичества закрывала все плотнее светлую веру, что сын когда-нибудь родится.

Как-то в их научном отделе, где было всего три женщины, отмечали Восьмое марта. Раиса всегда ждала таких маленьких праздников: в часы общих застолий она ощущала с коллективом родственное единение, чем-то похожее на давнюю, почти симбиотическую связь с сестрой. Когда все сотрудники, слегка подвыпив, развеселились, неожиданно пришел слесарь из цеха, настроенный на скандал из-за чертежа с предполагаемой ошибкой. В цеху выполнялись экспериментальные заказы и многократно проверялись сконструированные приборы и детали, прежде чем разработки НПО уходили на большой завод.

Слесаря седьмого разряда, самого высшего у них в НПО, в отделе хорошо знали и ценили, но конфликтовать ему не дали, усадили за стол, где стояли принесенные женщинами традиционные салаты с майонезом, пирожки, испеченные дома Раисой, большой магазинный торт, бутерброды с дешевой колбасой и три бутылки вина. От выпивки слесарь отказаться не смог, плюхнулся на стул, — он был коренастый, большеголовый, немного похожий на цыгана, — и оказался напротив Раисы. Подняли бокалы за прекрасных дам. Раиса тоже выпила, отчего покраснелась и похорошела. Внезапный взгляд сидящего напротив мужчины, словно увиденного ею сейчас впервые, проник в самую глубину ее глаз — показалось, летит она в какой-то долгий туннель, находящийся по ту сторону зрачков.

Через два месяца слесарь Георгий, в близком общении Гоха, переехал в панельную двушку Раисы. Был он из самой простой семьи, живущей в пригороде. Отец его, участник Отечественной войны, всю жизнь сапожничал, а став стариком, шил домашние тапки для бывших своих клиентов и знакомых, а мать вязала шапочки и плела разноцветные домашние коврики. Молчаливая и робкая, она очень стеснялась Раисиной образованной тетки. Они приехали с бабушкой в февральский метельный день поздравлять Раису с днем рождения, и он, десятилетний, заметил: Раиса похожа, как дочь, на понравившуюся ему старушку мать опьяневшего балагура. Старушка показалась ему очень доброй, а Георгий слишком шумным. Бабушка сразу угадала, что принадлежал избранник Раисы к тому народному типу хлебосольных, отзывчивых на чужую беду мужиков, которые готовы любому отдать последнюю рубаху, и только в семье проявляется их скрытая нереализованная властность, иногда доходящая до тирании. Боюсь, что Рае с ним будет нелегко, сказала внуку, когда они ехали домой. И оказалась права. До рождения Лешы — мечта Раисы о сыне сбылась — жили они с Георгием хорошо, хотя ее и утомляли набегающие по пятницам его приятели — все с водкой, пивом и вином. Приходилось непрерывно готовить им закуску, печь пироги, подносить еду и уносить грязные тарелки. К тому же, оказалось, Гоха, лидирующий в своей компании, — он был начитаннее других работяг и разбирался не только в технике, но и в политике, — сильно ревнив, нередко он скандалил из-за ее случайного взгляда, предназначенного, как ему казалось, кому-то из дружков, расплзавшихся за полночь на полусогнутых. Заедало его и неравенство с женой в НПО: она — инженер, он — слесарь. Возможно, оттого Гоха намеренно тянул с законным оформлением брака: оформили они все документы, когда Леше исполнилось два года. Выйдя из загса, не лишенный прозорливости Георгий спросил, смеясь: «Небось не верила, что когда-нибудь печать у тебя в паспорте будет?» Иногда Раиса думала с грустью, что сестре Тане повезло больше: Анатолий, конечно, по пятницам водит жену в театр или на концерты... Но в темное время суток Гоха был ласков, и ее обдавало жаром од-

но лишь прикосновение его больших рук. Сынишку он любил, хотя порой покрикивал на него, пугая малыша. Плохо было то, что Гоха, стал ревновать Раису и к мальчику: жена ушла в заботу о сыне, оттого Гохина потребность во внимании громыхала, как пустая бездонная бочка. Раиса изредка приезжала к тетке поделиться своими переживаниями и сомнениями. Иногда она привозила маленького застенчивого Лешу, забавно смеющегося, если спрятанная взрослым мальчиком игрушка снова появлялась из-за его спины. Лешка был в отца крупноголовым и губастым, но светленьким в мать и словно приросшим к ее теплому боку: не отходил от Раисы даже на полшага. Когда, ощутившая силу материнства, Раиса твердо попросила Гоху сделать приятельские застолья пореже, муж впервые впустил в их семейный дом матерное слово. Кинув ей в лицо свои дурно пахнущие носки, грубо проорал: «Я женился, б..., чтобы ты терпела моих друзей и мне стирала!» Кожа на ее лице в месте соприкосновения с грязной тканью воспалилась, а низкое слово окатило душу ледяной несправедливостью. Вечером у Раисы впервые случился приступ глаукомы. С этого дня, сначала понемногу, стало у нее слабеть зрение. Георгий по своей природе не злой, уговаривала она себя, прощения за свою грубость попросил, сказал, что носки бросил случайно, поддавшись гневу, поклялся, что мата от него она больше никогда не услышит, ночами он по-прежнему горяч, сынишку любит... И все-таки тяжело видеть, как нестерпимо далек он с его вспышками раздражения и пьяными политическими спорами от образа ее деликатного отца, о котором много рассказывала отцова сестра, дорогая ее тетя. Раиса даже подумывала о разводе с Георгием, но вскоре умерли один за другим его родители, и в чувствах Гохи к жене появилось что-то сыновнее. Ее сначала удивляли его внезапная, какая-то детская послушность и то, что он все чаще звал ее не по имени, а мамой. Чуть позже, не склонная к долгому анализу ни своего, ни чужого поведения, Раиса просто поняла сердцем: без нее Гоху погубит бутылка, — и в отношении к нему женское сменилось на материнское, прощающее. Время, когда они остались вдвоем — окончивший техникум Лешка ушел в армию, — стало для Раисы почти счастливым: ни ссор, ни пьяных пятниц. Все вечера они мирно проводили с мужем: или читали каждый свою книгу, Гоха любил военную литературу, она — исповедальные рассказы о жизни, или дремали у телевизора. Гоха купил новый с большим экраном. Теплое биение их сердец звучало в унисон. Летом они съездили в Сочи, снявшись на фото у памятника Пушкину: немолодая пара, сросшаяся невидимыми корнями, давшая жизнь молодому побегу. Молодой побег вернулся и в первый же вечер обидел стареющих родителей, так ждавших его возвращения: не остался с ними дома, а умчался к друзьям, словно переняв эстафету былой отцовской традиции веселых пятниц.

Через неделю Лешка сообщил, что приятель зовет его работать в кооператив. Страна уже заболела денежной лихорадкой, в НПО деньги платить работникам перестали, по коридорам сновали сомнительные типы в джинсах и кожаных пиджаках, а по радио постоянно передавали криминальные новости о гибели очередного директора завода. Освободившиеся места занимали вышедшие из подполья «авторитеты» или молодые карьеристы, быстро отрেকшиеся от всего советского и ловко прихватившие партийные и комсомольские сейфы.

— Нет, — твердо сказал Георгий сыну, — в спекулянты не пойдешь. Мы с матерью даже копейки незаслуженной у страны не взяли и тебя не для того растили!

Лешка огорчился, но слову отца, воспринявшего как личную трагедию распад СССР и обнищание большинства честных людей, воспротивиться не посмел: помнил его пролетарский ремень, наказующий за двойки. Сколотив бригаду из друзей, занялся ремонтами. Приятеля-кооперативщика, успевшего подсесть на долларовый нарко-

тик, года через полтора застрелили, а Лешка начал встречаться с его девушкой, после торгового училища работавшей продавщицей в галантерее, только что приватизированной директором — бывшим комсомольским активистом. Лешка проводил сладостные часы в постели с веселой продавщицей, но хотела она в качестве мужа склеить кого-то из случайно разбогатевших — народ называл их «новыми русскими» или «прихвизаторами» — и, когда Лешка ей сделал предложение, отказала. Этот дурак (как потом рассказывала уже взрослому внуку бабушка, в тот год она была еще жива) накачался таблетками — откуда он их взял, осталось неизвестным — и едва не отправился к праотцам. Раиса, узнав, что сын пытался покончить с собой, ослепла на один глаз полностью, а всегда говорливого Георгия сковала седая паутина молчания: он сутки сидел, не вставая с дивана и не прикасаясь к еде. В ту страшную для нее ночь Раиса уснуть не смогла, сердце сжимал не только запоздалый ужас, что сын мог умереть, но и горькое понимание: ему безразлично, что случилось бы с матерью и отцом, если бы его не спасли. И лишь под утро, когда в синеватой дымке комнаты впервые за всю жизнь возникло перед ней видение — женщина в светлых, чуть колыхающихся одеждах, не касающихся пола, смотрела на нее, — Раиса ощутила внезапный покой и заснула. Это приходила сестра моего деда, ставшая в двадцать лет монахиней, говорила бабушка племяннице и внуку, она молится за нас в небесном монастыре. Только помогает не всем в нашей родне, а лишь тем, у кого чистая душа. Если в трагические или самые трудные дни увидишь призрак женщины в светлых одеждах, опасность минует, все будет хорошо.

Я люблю Жанну, сказал Леша, я жить без Жанны, мама, не смогу. Безумный поступок, совершенный ради любви, стал известным в их дворовых кругах, и местная слава, сделавшая Жанну роковой героиней, наполнила живой энергией пробуждающийся росток ее чувства и компенсировала нехватку у героя мелодрамы своей квартиры и денег. В конце концов юная продавщица ответила Леше согласием. Оказалось, Жанна из их же панельного дома. Раиса не раз видела ее мать, остроглазую брюнетку, водившую машину с инвалидным значком. Инвалидом оказался муж остроглазой, отчим невесты. И вот что я тебе скажу, заканчивая рассказ о внучатом племяннике, подводила итог бабушка: Леша счастлив с этой Жанной. К учебе он не тяготел, звезд с неба не хватает, но ему от рождения дано самое ценное — сердце, способное на большую любовь.

Дочка Лешки и Жанны родилась на полгода раньше Лизки, а Георгия, ставшего дедом, вскоре настиг инсульт: он узнал о внезапной гибели начальника своего цеха — тот застрелился из охотничьего ружья. Седая паутина вернулась к Гохе и снова сковала его тело. Он выжил, но по речи и поведению стал трехлетним ребенком, да еще с неработающей правой рукой, которую держал согнутой у груди, точно лапку тушканчика. Платили Гохе мизерную пенсию. Раиса теперь преданно ухаживала и за малышкой внучкой, и за неразумным мужем. Видно, мне так на роду написано, иногда думала она, сначала сестра Таня, а теперь беспомощный Гоха... Когда пришедший навестить Георгия один из старых его приятелей рассказал, что НПО развалили, цех переоборудовали в казино, а на месте научного отдела выросли три какие-то смутные фирмы, по всему видно, поганки-однодневки, Гоха зарыдал. Значит, понял, подумала Раиса, уже оплакавшая втайне от большого мужа свое родное, работавшее на космос НПО, погубленное новыми хозяевами. Десять лет ухаживала Раиса за мужем, пока не умер он от второго инсульта. А когда умер, пришла теща Лешки и, вкрадчиво улыбаясь, предложила Раисе переехать к ней, а молодую семью — Лешку, Жанку и девочку, названную Жанной иностранным именем Анжелика в честь поп-певицы, на которую Жанна, как считали дворовые подружки, была чем-то похожа, — пересе-

лить в Раисину двушку. Пусть они живут отдельно своей семьей, а ты с нами, мы с мужем в одной комнате, ты в другой, холодильника у нас два, но подушку и простыни возьми свои, приказала она и ушла, не посчитав нужным вникать, согласна ли Раиса с ее решением.

Вечером зашел Леша и удивился, увидев, как складывает Раиса свою одежду в чемодан. Ты куда собираешься, мам? Узнав о предложении, он рассвирепел и, перевернув чемодан, выкинул все вещи на пол. Ты почему такая? — сказал, успокоившись и обняв ее за плечи. Какая? Слушаешь эту... Живи, мам, как жила, а будет скучно, Анжелка прибежит к тебе, иногда может у тебя и переночевать. Она с учебкой барахтается, подтяни ей математику, иначе потом в девятый класс ее не возьмут, ты ведь у нас в этом деле мастак, а репетитор, знаешь, сколько сейчас берет, жсть!

Раиса математику внучке подтянула, потом сама ее готовила к ЕГЭ, пришлось заниматься с внучкой и русским языком: нечитающая Анжелика грамотностью не отличалась. Леша с детства книги любил, но Жанна, предпочитающая проводить свободное время с пивком и домашним кинотеатром, намеренно отвадила дочь от чтения, считая, что ребенка нужно учить думать о деньгах, а не приучать витать в придуманных облаках. Лешка как муж и отец ни в чем не мог жене перечить, лишь однажды пожаловался матери: «Скучно мне с Жанкой, она книги у меня из рук вырывает и, когда меня дома нет, выбрасывает». Раиса вспомнила ту страшную свою ночь — ночь без сна. Но ничего сыну не сказала.

Анжелика поступила на экономический факультет в университет, правда, для бюджетного места баллов ей не хватило, и отец стал за учебу платить: к этому времени его спаянная бригада уже не только ремонтировала, но и строила загородные дома. Жанна научилась водить машину, получила права и сама возила мужа «на объекты», присматриваясь к жизни богатых и стараясь потом многое из подмеченного копировать в их панельном мирке. Большинство из обладателей тугих кошельков тяжело расставалось с деньгами, лишь некоторые, наоборот, намеренно демонстрировали, что любая трата для них пустяки. Один из таких хвастунов, владелец казино, заказавший постройку огромного замка, усмехнувшись, открыл портфель, полный бумажными купюрами, и сказал: бери, сколько возьмешь. Пораженный Лешка рассказал об этом матери. Так, может, его казино то самое, воскликнула она, которое на месте цеха, где твой отец слесарем работал. Новая жизнь мучила Раису своей несправедливостью и тяжело лила вопросом: почему шикают получившие ни за что ни про что заводы и земные богатства и так трудно живет обманутый народ, который по закону должен быть хозяином страны и всех недр, а на деле опущен ниже плинтуса. Тысячи обедневших, выброшенных людей за эти годы умерло... Не выдерживало зрение Раисы искаженной картины времени, становилось все слабее, и в одиночестве чаще и чаще вспоминала она своих умерших: тихо плакала о Тане, о муже Георгии, о тете — сестре отца, — и, налив себе рюмочку молдавского вина, выпив, шепотом произносила: «За упокой». Воспитанная в атеизме, хоть и верила она в какую-то неземную жизнь, откуда однажды пришла к ней женщина в светлых одеждах, но в церковь не ходила. И поражалась, что в православный храм зачастила бойкая теща Леша. Не удивляйся, мам, объяснял сын, — к ним постепенно вернулась доверительная откровенность, дарившая Раисе минуты счастья. Даже про героическую гибель своего деда отыскал Леша по просьбе матери несколько строк в Интернете — сохранившийся рассказ выжившего узника. Грехи свои теща отмаливает, наша православная вера добрая, всех за грехи прощает, вот она о прощении в церкви и просит, потому что сильно боится наказания. Покупателей, работая в торговле, обвешивала и обсчитывала, мужьям изменяла, двоих схоронила, за взятку инвалидность третьему оформила, чтобы меньше за квартиру пла-

тить, правда, он мужик нормальный, отзывчивый, теща им крутит и вертит, а бедную Жанку она вообще до пятнадцати лет держала в деревне у злойшей бабки, оттого Жанка такая взвинченная. Мы не только за квартиру платим, еду на всех тоже мы покупаем.

Везде теперь обман, везде ловкачи, печалилась Раиса, как-то Анжелочка к такой жизни приспособится, не станет ли дурному подражать... Вот Лизе повезло, у нее есть хороший пример — отец. Честный человек, талантливый художник.

Племянник приехал и предложил:

— Тетя Рая, напишу твой портрет.

— Что ты, — отмахнулась она, — не надо, ты глянь, какой я стала: с одного глаза, который хоть как-то видел, сняли катаракту, а все равно зрение нечеткое, сказали, не только глаукома, еще и маскулярная дистрофия, да лучше бы и совсем не видел: волос осталось всего ничего, и те седые, а морщины по всему лицу, точно следы от колес. Лучше возьми фотографию твоего двоюродного деда, моего отца, и напиши его портрет.

Он взял фотографию, сделал набросок... Но не успел.

Дождь кончился поздним вечером. Врач Даниил Игоревич Семин вышел из своего «кадиллака», поскользнулся на мокром асфальте и, на ходу доставая мобильный, чтобы получить от супруги указания, какие купить продукты, поспешил в «Азбуку вкуса». Когда с плотно набитыми пакетами он вернулся к месту своей парковки, рядом с «кадиллаком» стоял черный джип. Из него выскочил лобастый мужик.

— Не узнаешь? — спросил Семина.

— Не...

— Был я сегодня утром у тебя в кабинете! Так ты, значит, указание выполняешь не сильно усердствовать при лечении стариков, они для вас, сволочей, балласт?

Лобастый рукой в перчатке вмазал Семину по лицу. Семин качнулся и упал. Лобастый сморщился, плюнул на траву возле ботинка лежащего и уехал.

СВЕТАЩИЕСЯ ФОНАРИКИ

Три рассказа

Шкаф

Так получилось, что Даша видела только ногу своей рано умершей тети Тамары, считавшейся в кругах родни красавицей. Да и то не всю ногу, а часть: от колена до туфельки на тонком каблукке.

Когда племянница по телефону сообщила о своем приезде, бабушка тут же позвонила Дашиной маме на работу и сказала: может, и не приедет, она же врушка, ты же знаешь, всю жизнь обманывает своего мужа, что блондинка, а волосы красит с шестнадцати лет. И Даша подумала, что тетя Тамара не самая настоящая красавица, каких можно увидеть в кино, и не очень хорошая, ведь врать — это плохо. И вообще, Дашина мама красивей, ведь у нее свои золотые волосы. Муж Тамарки — теперь в их закрытом городе главный инженер, добавила бабушка, не то что твой. Правда, говорят, у них там радиация.

«Твой» означало Дашиного папу. Папа жил не с ними, а со второй Дашиной бабушкой, откровенно объяснившей отказ видеть внучку нежеланием к ней привыкать. Мама называла ту бабушку Снежной Королевой, а папу Каем. Даша уже по книжке

и по мультику знала сказку про осколок зеркала — и представляла себя то отважной девочкой Гердой, которая обязательно вернет Кая из ледяного плена, то маленькой разбойницей, казавшейся ей иногда тоже привлекательной. Ведь у нее были свои оленя и она не была жадной.

Через час бабушка уже открывала дверь. Голос тети Тамары показался Даше ненастоящим. И Даша побежала в свою комнату и спряталась в шкаф.

Даша всегда пряталась, если ей кто-то казался ненастоящим. А если спрятаться было некуда, пряталась в себя. Когда бабушка привела ее в телестудию, чтобы внучка прочитала стихотворение на детском празднике, который покажут зрителям, Дашу обступили болтающие женщины — и они все показались ей ненастоящими. Она спряталась в себя и размышляла: может быть, эти яркие тети — большие бабочки и только притворяются людьми. Они порхали вокруг нее и уговаривали прочесть стихотворение. Даша хмуро смотрела на говорливых бабочек исподлобья и молчала. Какая бука ваша девочка, смеясь, сказала одна из них, взмахнув разноцветными крыльями кофты, совсем на вас не похожа. Бабушка раньше работала на телевидении — и ее там знали.

— Да, — бабушка вздохнула и укоризненно поглядела на внучку, — она упрямая, если замолчит, то на полдня.

В детскую передачу Дашу не взяли. Бабушка немного ее побранила по дороге домой, а потом зашла вместе с ней в магазин и купила альбом для рисования, потому что Даша больше всего на свете любила рисовать.

И в альбоме в тот же вечер появился портрет мамы. У мамы были косички, точно у девочки. Она получилась очень высокой, выше столбов, рядом с которыми плыли облака. Вместо самолета Даша нарисовала летящего папу. Бабушка иногда называла маму своей глупой девочкой, а папу витающим в облаках. Даша так все и нарисовала. А когда мама надевала туфли на очень высоких каблуках, чтобы пойти с дядей Мишей в театр или на концерт, мамино лицо от Даши убежало куда-то ввысь, приходилось задирать голову, чтобы уловить в глазах мамы ответный блик улыбки. Пугающее непонятное слово «радиация» почему-то связалось у Даши не с далеким городом тети Тамары, а с дядей Мишей.

Мама, посмотрев рисунок, сказала бабушке:

— А ведь для четырех лет очень хорошо! Я себя узнала.

— А почему город тети Тамары закрыт? — спросила Даша у бабушки. — У него ведь нет дверей.

— Дверей нет, — сказала бабушка, — но войти в него нельзя.

— Почему?

— Там есть секретный завод.

Дашу этот ответ устроил. Конечно, если есть секрет, то он должен быть спрятан, как мама прячет в шкатулку с ключиком письма от дяди Миши-радиации.

— Ваша Дашка где? — кричала тетя Тамара своим ненастоящим голосом. — Я же ее ни разу не видела!

Да, так получилось, что в прошлый приезд она не застала ни Дашу, ни бабушку: они жили летом на даче. А до этого тетя Тамара вообще не приезжала, то есть приезжала, когда Даши еще не было. Представить, что ее не было, Даша совершенно не могла. Она любила смотреть альбомы, которые стояли и лежали у них на книжных полках, и ей казалось, что она узнает на фотографиях какие-то места, где жила раньше. Как-то она попробовала сказать о своих узнаваниях маме.

— А я жила вот в этом доме, — на фото чернел большой деревянный дом, недалеко сверкали на солнце купола собора. — У нас было две собаки, они нас охраняли, а еще мне нравилось, как звонит колокол.

— Вот выдумщица, — улыбнулась мама. — Это город Псков. Ты ничего не можешь о нем знать.

В другой раз Даша снова попробовала заговорить о том, что ей помнилось.

— А я здесь была, — она ткнула пальчиком в снимок, — этот дяденька в круглых очках уронил мне на ногу тяжелую книгу, мне было немного больно, мы с ним поссорились, но потом помирились.

— Даша! Мне ты можешь рассказывать все, что захочешь, любые свои фантазии, — сказала мама строго, — но только мне. Этот дяденька на снимке Гарвардской библиотеки жил много лет назад, это очень далеко, в Америке.

— Но я его помню, — сказала Даша и заплакала. Ей не понравилось слово «фантазии», оно напомнило ей сердитого фазана, расхаживавшего в клетке зоопарка.

Услышавшая плач бабушка прибежала из кухни, посадила к себе Дашу на колени, обняла.

— Зачем ты с ней так сурово, — шепнула маме укоризненно, — ребенок должен быть выдумщиком. Иначе вырастет сухарем.

В сухарь Даше превращаться не хотелось — и она заплакала еще сильнее, уткнувшись в большую теплую бабушкину грудь.

— Мне хватило одного выдумщика, ее отца, — сказала мама. — Уверена, он бы назвал ее фантазии воспоминаниями о прежних жизнях. Читает всякую ерунду, а денег кот наплакал. Не то что муж Тамары — настоящая опора семьи.

Даша сквозь слезы улыбнулась: ей представился плачущий кот в сапогах. Наверное, он раскаялся а том, что всех обманывал. Значит, Дашу обманывать не будет — они станут вместе жить дружно, долго и счастливо. Даша слезла с колен бабушки и пошла рисовать кота.

— У Тамары, в отличие от тебя, — донеслись до нее слова бабушки, — женского ума вагон и маленькая тележка.

Нога тети Тамары была в прозрачном бежевом чулке, очень стройная, ровная. Даша, разглядывая ее в щель между дверцей шкафа и его стенкой, решила, что хотя мама все равно всех лучше, но тетя Тамара, имея такую ногу, конечно, не может не быть красавицей даже с крашеными волосами. Она стояла у шкафа и уговаривала Дашу своим ненастоящим голосом:

— Ну выходи, Дашунька, я хочу на тебя посмотреть!

Даша упорно молчала и размышляла о вагоне и маленькой тележке, в которых тетя Тамара возила свой женский ум. Конечно, это только так говорится, Даша уже понимала, что взрослые часто произносят неправильные слова. Но представлять было интересно: к большому зеленому вагону Даша приделала в воображении тележку, а в нее поместила сердитого фазана. Фазан смотрел на Дашу испуганно, он явно боялся путешествия в открытой тележке по железной дороге. Даша и сама бы, наверное, испугалась. Пожалев фазана, она вернула его в клетку зоопарка, задумавшись, чем бы заполнить образовавшуюся пустоту. А если тележка не пустая, если в ней прячется под шапкой-невидимкой ум тети Тамары? Уму не хватило целого вагона, и он, как тесто, заполнил еще тележку и толкал фазана в пернатый бок. Может быть, фазан испугался совсем не путешествия, а его?

— Тамара, — послышался голос бабушки, — оставь ее в покое. Пусть сидит в шкафу, если ей там нравится.

И взрослые о Даше забыли. Запахло чем-то ванильно-шоколадным, чуть позже сладость сменилась горьким дымком: это бабушка закурила. Потом пришла с работы мама, а тетя Тамара уехала.

Даша вылезла из шкафа, попрыгала на паласе, потому что у нее от долгого сидения в шкафу затекли ноги, и вдруг опечалилась. Ей стало почему-то очень грустно, что она так и не увидела красивую тетю Тамару.

Сбежавший

Справа от двери в класс была еще одна дверь — в стенной шкаф, высокий, сквозной, состоящий из основной части, где стояли какие-то коробки, и верхней, отделенной от большого углубления только узкой перекладиной. Верхние створки открывались наружу, и когда спрятавшийся в шкаф Тимка высунул из них на уроке истории свою длинноносую голову, по-птичьи покрутил шеей, выкатил круглые глаза и трижды прокричал «ку-ку» — их пятый класс просто сотрясло от смеха.

Даша тоже сначала засмеялась, но, увидев, как пунцово-красный учитель истории пытается под гогот детей стащить вниз Тимку, смеяться перестала. Ей стало жалко толстоватого Игоря Петровича. Он преподавал у них всего месяц и так интересно рассказывал о Древней Греции, так вдохновенно читал отрывки из «Илиады», что Даша просто влюбилась в Гомера. Она решила, что Гомер участвовал в сражениях и, будучи ранен, потерял на поле боя зрение. На одном из уроков истории она даже сочинила две длинные строки — свой эпилог к его поэме.

Тимка был коротышкой, на физре стоял среди самых последних; коротконогий, но с мускулистыми руками, он легко, точно родился в джунглях, взбирался по канату до потолка, заставляя длинных щуплых одноклассников ему завидовать. Игорь Петрович продолжал дергать его за болтающие ноги, пытаясь стащить вниз, но Тимка держался за перекладину крепко. Класс хохотал, кое-кто в приступе смеха бился головой о парту, а Тимка, несмотря на усилия учителя, умудрялся с перерывами продолжать кукукать, что усиливало шквал веселья. Полноватая фигура Игоря Петровича вдруг точно осела, он отпустил ноги Тимки и выбежал из класса.

Даша так остро ощутила отчаяние учителя, точно сама была им.

Через день снова был урок истории. Но пришел вести его не Игорь Петрович, а явилась, стуча каблуками, завуч Аглая Викторовна — она преподавала у старшеклассников. Тимка попробовал было повторить успех представления — опять заранее спрятавшись в шкаф и во время объяснения нового материала, открыв створки, бодро прокуковал. Класс только успел захихикать и подать пару веселых реплик, как Аглая Викторовна произнесла зло, заставив всех тревожно замолкнуть: «Кукуй, кукушечка, накукуешь себе короткую жизнь!»

На перемене Даша догнала в коридоре Аглаю Викторовну и спросила про Игоря Петровича. Он уволился, сказала та равнодушно, сбежал от вас, не все могут работать в школе. А тебе что до него?

Даша никогда не смогла бы объяснить, что вместе с ним исчезло море, унося с собой белые паруса кораблей. Ей стало так грустно, что вечером на странице ее дневника, который она только с приходом Игоря Петровича и начала вести, появился вопрос: зачем люди живут?

Через неделю исчез Тимка, говорили, что у него нашли «страшную болезнь», какую — никто не знал. Даша рассказала бабушке о злых словах учительницы, и та, покачав головой, подтвердила Дашины размышления: завуч поступила плохо. Очень плохо.

— Дети внушаемые, и от недоброго слова с ними может случиться беда.

— Так Тимка от этого заболел? — спросила Даша.

— Трудно сказать, — бабушка хотела быть объективной, — точно не зная, что с ним, нельзя винить Аглаю Викторовну.

Но гораздо страшнее Тимкиной болезни оказались несколько строк в местной «Вечерке» — газету выписывала бабушка. Даша, конечно, взрослых скучных газет не читала, а тут, вынимая из почтового ящика, зачем-то в нее заглянула. И обнаружила среди новостей на последней странице, где обычно писали о кражах и других детективных историях в стиле Шерлока Холмса — Даша видела о нем фильм, — короткую информацию: погиб некто И. П. Андронов, по неподтвержденной информации, он покончил с собой, начато расследование.

У Даши от волнения так сильно забилося сердце, что она остановилась на лестнице, не в силах подниматься к своей квартире: совпадали только инициалы, она не знала фамилии Игоря Петровича, отчего же возникла пугающая мысль: Андронов — это он?

Очень застенчивая, Даша почему-то совершенно не боялась учителей. Возможно, вселяли в нее уверенность способности к учебе: по математике был с ней на равных только кудрявый Левка, такой же низенький, как Тимка. Левку с семи лет репетиторы готовили в профессора, о чем он сам говорил с гордостью. Его умная семья дружно создавала цельный, объемный образ Левкиного будущего. А Дашин родительский дом давно разбился, и только в бабушкином осколке с трудом она могла различить туманный намек на собственное далекое отражение. Левкина мама, фанатично любящая сына, иногда приглашала Дашу к ним домой. Она симпатизировала девочке, самой начитанной в классе. Даша и на унылых уроках успевала читать посторонние книжки, пряча их на коленях под партой, а домашние задания, даже по алгебре и геометрии, выполняла обычно на большой перемене. Никто из взрослых ее учебу не контролировал. Ее вторая бабушка, мать отца, отказавшаяся общаться с внучкой из-за развода родителей, была преподавателем математики — наверное, Даша унаследовала ее способности, абсолютно не планируя связать с точными науками будущее. Она мечтала стать художницей — и все последние страницы ее тетрадей были теперь заполнены изображениями гомеровских кораблей под парусами.

— А как фамилия Игоря Петровича? — спросила она завуча, увидев ее в коридоре.

— Он что, кинозвезда, чтобы я помнила его фамилию?! — заорала Аглая Викторовна, приостановившись. — И вообще, какое тебе дело до него?! Я же, по-моему, русским языком объяснила: он больше в нашу школу не вернется!

Вечером Даша смотрела на голый тополь за своим окном, очерченный сумеречным светом, на присевшего на ветку и тут же вспорхнувшего с нее воробья, скорее угаданного взглядом, чем увиденного — уже темнело. Если Игорь Петрович жив, думала она, его можно случайно встретить на улице. Их школа центральная, вероятно, он должен жить где-то рядом. А если его дом не здесь и приезжал он в школу из дальнего района? Тогда в центр города он обязательно наведается, как делают все жители окраины, где нет хороших магазинов. Даша решила чаще заглядывать в центральный книжный, в котором имелся отдел истории: сюда-то Игорь Петрович непременно придет!

Но прошла зима, потом весна — а Игоря Петровича Даша так и не встретила. Ее уже узнавали продавцы: они смотрели на девочку, иногда покупавшую серьезные книги по истории, с уважением. Даша часто сама ходила за продуктами, а сдачу от вверенной ей суммы оставляла с согласия бабушки себе в качестве вознаграждения за неприятный труд. Этих денег хватало на покупку одной книги в месяц.

Игорь Петрович не растворился в ее памяти, как случается часто с людьми, мелькнувшими и вскоре исчезнувшими. Она помнила его вдохновенное чтение «Илиады», помнила его осевшую, точно сугроб, полноватую спину — и ее снова пронизывала жалость к сбежавшему учителю. Виновник побега Тимка болел очень долго. Вер-

нулся в школу уже перед летними каникулами такой бледный, что Даша, увидев его, вспомнила рассказы о привидениях. Для их класса он и стал призраком: из-за пропусков его оставили на второй год.

Всю зиму бабушка откладывала деньги из своей пенсии, чтобы свозить Дашу летом на море. Иногда, забыв, что рядом внучка, которая еще для семейных разборок мала, она ругала дочь: покупаешь с каждой зарплаты себе что-то модное — то платье, то костюм, то красивые дорогие туфли, о ребенке не думаешь, а твой бывший муженек... Тут бабушка вспоминала, увидев печальные глаза Даши, что ругать родителей в присутствии ребенка непедагогично, и замолкала.

Перед отъездом на море Даша еще раз решила зайти в книжный. К остановке транспорта, недалеко от здания магазина, подполз усач-троллейбус. Ожидавшие его дружно к нему шагнули — и в одном из шагнувших она внезапно узнала Игоря Петровича. Значит, жив! Или... Или ей показалось, что в троллейбус садился он? Уверенности у Даши не было, но чувство радости от узнавания перекрывало сомнения.

Первое, что увидела Даша, когда они с бабушкой пришли к морю, был взлетевший над легкой волной белый парус. Бабушка привела Дашу в бухту, где отдыхали только две-три пары, каждая на приличном расстоянии от другой. Курортники ленивы, сказала бабушка, идти по жаре куда-то им не хочется, потому они все на главном пляже, а мы с тобой будем купаться здесь.

Парус скользил — и огромное водное пространство, слившееся с небом, на котором неподвижно белело маленькое облако, похожее на лошадь, и застывшие, словно прошедшие века, камни, окружившие бухту, все это поразило Дашу: ей почудилось, что она попала во времена Гомера. Всплыли в памяти две строки, сочиненные на уроке истории:

Вот битва кончилась, и я остался жив, чтоб рассказать об этом
Всем поколениям отважных греков.

Светящиеся фонарики

Лидия Михайловна преподавала математику. Даже самые отъявленные лодыри и ненавидящие алгебру и геометрию гуманитарии, не отрываясь, смотрели на доску, заслушиваясь ее объяснений, точных и одновременно образных, превращавших математику в нечто завораживающее, почти волшебное. Самые хулиганистые не болтали и не озорничали на ее уроках. А ведь Лидия Михайловна никогда не повышала голоса, казалась тихой и почти домашней, совсем нестрогой. Если ученики радовали ее сообразительностью, она говорила: вижу, как фонарики в ваших головах светятся, да так красиво светятся, просто загляденье. Даше иногда казалось, она тоже видит светящиеся фонарики. А, если кто-то из учеников не мог ответить, потому что не выполнил домашнего задания и не усвоил материал, Лидия Михайловна говорила грустно: как мне жаль твой фонарик, он сегодня совсем темный, ты совсем о нем забыл. Даша чувствовала: Лидия Михайловна — талантливый педагог и очень хороший человек. Дашина бабушка, побывав единственный раз за весь год на родительском собрании, где Лидия Михайловна рассказывала о каждом семикласснике его родителю, назвала ее учителем от Бога. У Лидии Михайловны не было любимчиков. Она ко всем относилась ровно и доброжелательно. Но Даша интуитивно угадывала — ее учительница выделяет: часто, когда кто-то не справлялся с заданием у доски, просила: Даша, помоги, пожалуйста.

Иногда Лидия Михайловна болела, и Даша замечала, что исчезает Лидия Михайловна, а значит, заболевает после каких-то больших огорчений, к примеру, плохих результатов контрольной по алгебре или наглой реплики кого-то из нахальных, заносчивых учеников, брошенной на перемене в ответ на ее мягкое замечание. В Дашином «А» классе собрались дети городского начальства: к учителям некоторые из них не относились с уважением. Но большинство учеников Лидию Михайловну любило. Если математика была последним уроком, многие оставались, чтобы поговорить с ней обо всем, даже о смысле жизни.

И вот сегодня, увидев толпу в вестибюле школы и венки с черными лентами, Даша узнала, что преподаватели и несколько старшеклассников направляются на похороны Лидии Михайловны, которой не было в школе только три недели. Потрясенная, Даша стояла и смотрела на портрет в черной рамке. Известие пронзило ее, в сознании внезапно прозвучало: это она, Даша, виновата в смерти Лидии Михайловны. Это она завела в необратимую степень теплящуюся болезнь пожилой учительницы. Да, как раз три недели назад это и произошло.

Даша шла домой и мысленно казнила себя. Вспоминала, как на даче, куда ее отправили с детским садом, не стала говорить милой воспитательнице, что догадывается: кладет под подушку конфетку, пока Даша спит, сама воспитательница, а не прилетавший на вертолете волшебник. Даше в то лето было всего четыре с половиной года, но она понимала: взрослая девушка огорчится, если узнает, что в ее сказку ребенок не верит. Значит, тогда я была хорошей, горестно думала Даша сейчас. А стала плохой, высокомерной, бессердечной. Не пожалела Лидию Михайловну и так резко ей ответила, что учительница побледнела. Слова ударили по ее болезни — недуг сразу возрос в геометрической прогрессии — Лидия Михайловна умерла. У нее была нежная, чувствительная душа. Была? Или душа вечна? Бабушка порой говорит грустно: когда я уйду из этого мира, Дашенька, моя душа будет прилетать к тебе и помогать в трудные минуты, которые, к сожалению, случаются у всех. Я не заслуживаю любви даже моей бабушки, решила Даша, я стала плохой, жестокой.

Тогда математика была последним уроком, и несколько учеников остались, чтобы поговорить с мудрой учительницей. Осталась и Даша. Кто-то первым спросил:

— Лидия Михайловна, как вы думаете, кем я стану, когда вырасту?

— Я думаю, ты станешь инженером. Ты же любишь технику.

В интересный разговор включились все.

— А я?

— Возможно, Андрюша, военным, как твой папа.

— А я?

— Ты, Лиза, я помню, мечтаешь стать врачом — и станешь.

— А я?

— Ты, Миша, мне кажется, вслед за своим папой-депутатом займешься политикой.

— А я? — спросила Даша, подойдя к учительскому столу.

Лидии Михайловна улыбнулась и сказала:

— А тебя, Дашенька, я вижу учителем математики.

— Нет! — выкрикнула Даша. — Я ни за что не буду учителем! — и, схватив рюкзак, она выскочила из класса, успев заметить, какой неестественной белизной покрылось лицо Лидии Михайловны.

Я ведь хочу стать художницей, думала Даша, пытаюсь найти себе оправдание. Дома она, не переодеваясь, упала на тахту и уткнулась лицом в старую диванную подушку. Неужели не знала Лидия Михайловна, что я рисую? Не заглядывала на последние

страницы моих тетрадок? Там всегда рисунки. Учителя иногда сердятся, если их находят. К тому же моя вторая бабушка, папина мама, отказалась меня видеть, поэтому я совсем ее не знаю, а ведь она преподаватель математики... Но ни рисунки, Лидией Михайловной не замеченные, ни равнодушная к Даше бабушка-математик не служили оправданием жесткого ответа, брошенного в ответ на ласковые слова.

Даша ощутила, что задыхается. Она села на тахте, откинула с лица повлажневшие волосы, вытерла ладонью мокрые щеки, потерла виски. Любила ли ее Лидия Михайловна больше других учеников? Выделяла — да, но любила она всех. Каждому доставалась частичка света для его маленького фонарика. Наверное, Даша напоминала ей саму себя в школьные годы — и поэтому она увидела ее учителем математики. И вот — Лидии Михайловны нет.

О своей вине Даша не сказала никому, даже бабушке.

Лидию Михайловну заменила другая учительница, постоянно хвалившая Дашу. Но если раньше самые сложные задания Дашу увлекали, как интересная игра, теперь она получала верный результат автоматически, предпочитая на уроках математики читать книгу, положив ее себе на колени под партой. Иногда, глянув на преподавательницу, она думала, что та вполне неплохая, не кричит, объясняет ровным голосом, иногда шутит, только вот фонарики в классе теперь никогда светиться не будут.